

СЛАВЯНСКАЯ НАДПИСЬ НА КРЕСТЕ-РЕЛИКВАРИИ ИЗ ПОЛОЦКА

Василий ПУЦКО, Калуга

Серебряный крест-реликварий с пространной надписью, о которой пойдет речь в нашей статье, до первой мировой войны хранился в Спасо-Евфросиниевом монастыре в Полоцке и приписывался св. Параскеве Полоцкой.¹ О последующей судьбе креста-реликвария не было ничего известно до того, как мы неожиданно обнаружили его в 1968 г. в фондах музея-заповедника в Ростове-Ярославском (рис. 1, 2).² Как удалось выяснить, в Богоявленский Авраамиев монастырь в Ростове в 1914 г. были эвакуированы с театра военных действий монахини полоцкого монастыря, взявшие в составе монастырской утвари и крест-реликварий. Это изделие в 1925 г., уже после отъезда полоцких монахинь, обнаружил директор ростовского музея Д. А. Ушаков в ризнице Авраамиева монастыря и добился передачи его в музей.

Этот крест-реликварий, связываемый с именем св. Параскевы Полоцкой, окончившей свои дни, по свидетельству литературных источников, в Риме в 1239 г., давно известен в литературе. О нем неоднократно упоминали польские авторы, и своими противоречивыми показаниями весьма запутали вопрос о его происхождении.³ Исследователи белорусских древ-

¹ Основные тезисы были изложены в заметке: В. Г. Пуцко, Мнимый крест Параскевы Полоцкой. — В сб.: Беларускія старажытнасці. Матэрыялы канферэнцыі па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. Мінск, 1972, 210–219.

² Инв. № Ц–925/2. Выс. 12 см, шир. 8,7 см, толщ. 1 см. Сохранность: отломана нижняя часть верхней пластины, трещина в перекрестии с оборота, утрачено накладное Распятие, оглавление помято. При изучении надписи я пользовался указаниями Н. Б. Тихомирова, которому рад засвидетельствовать искреннюю признательность.

³ W. Kojalowicz, *Historiae Litvanae*. Dantisei, 1650, pars I, 82; J. Kulczynsky, *Specimen ecclesiae Ruthenicae*. Romae, 1733, 56–57; J. Stebełsky, *Żywoty ss. Ewfrony i Parascewii*. Wilno, 1781, 216–219.

ностей А. П. Сапунов и А. М. Сементовский смотрели на крест-реликварий с явным недоумением.⁴ А. И. Некрасов не усомнился в древнем происхождении креста, но изображения символов евангелистов и *готизированные надписи* считал позднейшими добавлениями,⁵ тогда как на самом деле они были сделаны до выполнения позолоты. Интересовал крест-реликварий также русских филологов. А. Х. Востоков, ознакомившись с копией надписи, отметил в ней ошибки, предположительно отнесенные им за счет невнимательности копииста.⁶ П. И. Кеппен и И. А. Шляпкин, основываясь на эпиграфических особенностях надписи, датировали крест XV в.⁷ Таково состояние изученности этого памятника.

Форма креста-реликвария необычная для произведений торевтики XIII в.: он почти равноконечный, каждый конец заканчивается тремя полукруглыми выступами, встречающимися на Западе уже со времени итальянского треченто.⁸ Тип креста имеет множество аналогий среди изделий XV–XVI вв. Вращающееся на шарнире оглавие, прикрепленное к ушку креста, имеет литое изображение Нерукотворного Спаса; надписи на скосах углов с лицевой стороны оглавия (*іє ѣ* вместо *іс ѣс*) эпиграфически

⁴ А. Сапунов, Древности Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке. Полоцкие епархиальные ведомости, 1885, № 9, отд. неоффиц., 293–298, рис. на 294, 295; № 10, прим. 14; его же. Католическая легенда о Параскеве княжне Полоцкой. Витебск, 1888, 44–46, с рис.; А. М. Сементовский, Белорусские древности, вып. I. С.-Петербург, 1890, 125–128, рис. 76–77.

⁵ А. И. Некрасов писал: «Другой, серебряный, менее художественный крест, четырехконечный, с полукруглыми уширениями концов, приписывают сестре Евфросинии, Параскеве Полоцкой, сыгравшей некоторую роль в древнерусском искусстве. Гравированные изображения евангелистов на кресте Параскевы, а также готизированные надписи с ошибками в языке сделаны позднее каким-то иностранцем.» – А. И. Некрасов, Древнерусское изобразительное искусство. Москва, 1937, 105. В другом месте той же книги (206) А. И. Некрасов замечает: «Известна в Литве и Белоруссии святая Параскева Полоцкая, католическое происхождение которой умышленно и тщательно замалчивалось православием. Святая Параскева была двоюродной сестрой Евфросинии и уехала с последней из Полоцка. Евфросиния отправилась в Иерусалим, а Параскева в Рим, прислав оттуда в Полоцк крест.»

⁶ А. Востоков, Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. С.-Петербург, 1842, 117.

⁷ П. Кеппен, Список русским памятникам. Москва, 1822, 90–91 (№ 115); И. А. Шляпкин, Палеография, дополнение. С.-Петербург, 1906, 8, табл. 3 (эпиграфические аналогии указывает на ковчеге для мощей в с. Зимно на Вольни, в надписи: мощи священомуч. Ермолая).

⁸ P. Toeska, Storia dell'arte italiana, t. II. Il Trecento. Torino, 1964, 896, 909–910, fig. 540, 745, 752, 753.

ничем не отличаются от текста, заполняющего обратную сторону изделия. Судя по круглому отверстию, с лицевой стороны креста посредством винта некогда было прикреплено литое Распятие, точнее — фигура распятого Христа, которая помещалась на гравированном семиконечном кресте с расширяющимися концами большой перекладины с вырезанными на них монограммами Христа. Верхняя перекладина, а также нижняя имеют форму трапеции. Крест утверждён на прямоугольном основании с отходящими внизу волютами. По концам креста гравированы изображения символов евангелистов с раскрытыми свитками: ангела (вверху), орла (слева) и крылатого льва (справа).

На обратной стороне креста-реликвария четким уставом выгравирована пространная славянская надпись с перечислением помещенных внутрь реликвий (рис. 2). А. П. Сапунов когда-то выражал надежду на то, что специалисты смогут определить время, к которому следует отнести «эту, во всяком случае, весьма интересную древность», а наличие ошибок объяснял тем, что либо выполнивший надпись мастер был неграмотен и неверно скопировал написанные слова, либо не понимал славянского письма.⁹ Надпись состоит из двадцати строк неодинаковой длины; на поперечной перекладине текст писан в три-восемь строк. Чтение надписи затруднено тем обстоятельством, что она очень нечетко разделена на строки и на слова.

Первое, что необходимо отметить в графическом начертании букв, — это наличие древней формы, которая буквально соседствует с примерами, говорящими о знакомстве писца со славянской скорописью. В надписи представлено 26 букв славянского кирилловского алфавита. Сокращения почти отсутствуют. Лигатура встречается лишь одна, представляющая соединение **н с и** (в словах **данила** и **мощеника**). Над словом **дрѣво** изображена титла в виде горизонтально положенной **с**, хотя слово написано без сокращений. Знаки препинания и ударения отсутствуют. Кое-где поставлены словоразделительные знаки в виде крохотных кружочков. Строки очень неровные. Высота букв различная, в пределах 0,4–0,15 см. Некоторые буквы требуют подробного рассмотрения со стороны их графической формы. Мы опишем пятнадцать наиболее характерных букв.

Буква **д**, имеет в надписи несколько различных начертаний. Наиболее древним из них является в виде вертикальной линии со слабо развитой левой стороной; петля очень малых размеров, с округлым либо с угловатым очертанием. Примеры употребления такого **д** можно указать уже в Самуи-

⁹ А. Сапунов, Католическая легенда о Параскеве..., 146.

ловой надписи (993 г.),¹⁰ в Листках Ундольского (XI в.),¹¹ в Добромировом Евангелии (XII в.),¹² в Охридском Апостоле (XII–XIII в.).¹³ Наклон вертикальной линии во всех приведенных случаях крайне незначительный, петля никогда не доходит до низа. Это служит одним из признаков древности. Поскольку надпись на кресте-реликварии имеет неровные строки, трудно установить, является ли опускание петли нарушением древней традиции (в словах апостола **АНДРѢА**) или представляет следствие небрежности писца. Другим случаем, который также может вызвать различные толкования, является прикрытие сверху (в слове **КОУПИНА**). Крышка у **а** появляется уже к концу XI в. (запись о Луке, епископе белгородском, около 1091 г.),¹⁴ неоднократно встречается в XII в.¹⁵ и к началу следующего столетия постепенно исчезает.¹⁶ Начертание **а** в рассматриваемой надписи, аналогичное отмеченному в слове **КОУПИНА**, на наш взгляд, имеет не покрытие, а обычное утолщение, которым заканчиваются прямые линии букв. В XV в. начертание **а** снова начинает приближаться к древнему, что можно рассматривать как результат второго южно-славянского влияния.¹⁷

Буква **б** в надписи встречается трижды (**БОЖЬА ГРОБА**, **БОГОНОСЦА**) и во всех случаях имеет верхнюю часть в виде горизонтальной линии с небольшим, но заметным крючком. Эта особенность встречается в таких ранних эпиграфических памятниках как Тмутараканский камень (1068 г.),¹⁸ Роговолодов камень (1171 г.),¹⁹ крест Евфросинии Полоцкой

¹⁰ Ив. Гошев, Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X в. София, 1961, 87–88, табл. XIX.

¹¹ Е. Ф. Карский, Листки Ундольского. Отрывок кирилловского евангелия XI-го века. — Памятники древнеславянского языка, т. I, вып. 3, С.-Петербург, 1904, 13.

¹² П. А. Лавров, Палеографическое обозрение кирилловского письма — В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 4. Петроград, 1914, сним. 40–48.

¹³ Палеографические снимки с югославянских рукописей болгарского и сербского письма, вып. I. Под. ред. П. А. Лаврова, С.-Петербург, 1905, табл. 11–12.

¹⁴ С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV веков, вып. I. Киев, 1966, 45–47, табл. XIII–XIV.

¹⁵ Б. А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI–XIV веков. (Археология СССР, Свод археологических источников, Е I–44). Москва, 1964, № 7, табл. XX, рис. 1–2.

¹⁶ И. А. Шляпкин, Палеография. С.-Петербург, 1905, 17.

¹⁷ Ср.: В. Ђоровић, Епиграфски прилози. — Јужнословенски филолог, књ. V. Београд, 1925–1926, 200, рис. на 201.

¹⁸ А. Спицын, Тмутараканский камень. Петроград, 1915.

¹⁹ Б. А. Рыбаков, Указ. соч., № 29, табл. XV, рис. 1.

(1161 г.)²⁰ и прослеживается вплоть до конца XIV в.²¹ В сходном начертании встречается Б и в более позднее время, преимущественно в надписях на церковной утвари. В начертаниях же рукописного типа, иногда встречающихся на вещах, верхняя часть буквы в XVI в. обычно выходит из строки.

Буква В в надписи представлена нескольких типов: с симметричными петлями, с увеличенной верхней либо нижней петлей и угловатыми, с соприкасающимися петлями или же разделенными промежутком. Обычно выполнена в три приема. Наряду с древнейшей формой (в слове **ВОЛЪХРОМЪА**)²² можно указать довольно позднюю (в слове **ПАВЛА**)²³

Буква Д целиком располагается в строке и имеет маленькую треугольную головку на высоком основании. Обычно Д пишется в пять приемов. Случаи, когда ножки у Д не опускаются под строку, можно указать в таких наиболее ранних памятниках славянского письма как Самуилова надпись, граффито Софийского собора в Киеве с записью о приходе Святополка (около 1093 г.)²⁴ В надписи на кресте-реликварии имеется также пример ошибочного написания Д вместо А, в слове **ВОЛЪХРОМЪА**.

Буква Е по своему типу сходна с С: обе они имеют волнистую форму, с острием внизу. В рукописях Е такого типа появляется в XV в. Часто Е по размерам больше других букв и выходит из строки, обычно вниз. Графическое отличие С от Е состоит лишь в том, что у последней есть длинный язычок с загнутым вниз концом. Одновременно встречается и форма с коротким язычком. Представленные в надписи Е и С по эпиграфическим признакам наиболее близки образцам XV–XVI вв.

Буква Ж пишется в три приема, как и в древних образцах: Битольской плите Иоанна Владимира (1015–1016 гг.)²⁵ Листках Ундольского, граф-

²⁰ Л. В. Алексеев, Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. – Советская археология, 1957, № 3, с. 224–244; Т. И. Макарова, Перегородчатые эмали древней Руси. Москва, 1975, 70–73, 97, 118–121, табл. 19–20.

²¹ Б. А. Рыбаков, Указ. соч., хронологический график для буквы Б.

²² Там же, хронологический график для буквы В.

²³ По форме приближается к полууставу.

²⁴ С. А. Высоцкий, Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича. – История СССР, 1960, № 6, 146, рис. 2. Ср.: Е. Ф. Карский, Листки Ундольского, 13. Предпочтение полностью умещающейся на строке долго сохраняется в берестяных грамотах (см.: Л. П. Жуковская, в кн.: Палеографический и лингвистический анализ Новгородских берестяных грамот. Москва, 1955, 77).

²⁵ Й. Займов, Битолски надпис на Иван Владислав самодържец български. Старобългарски паметник от 1015–1016 година. София, 1970.

фито 1052 г. в Софийском соборе в Киеве,²⁶ в Остромировом Евангелии (1056–1057 гг.). В надписи на кресте из Полоцка, как и в приведенных примерах (кроме Листков Ундольского) можно отметить некоторую округленность наклонных линий. В Самуиловой надписи и в Листках Ундольского они прямые. Одновременно следует указать на выход верхней части мачты ж за строку. Употребление старой формы ж в данной надписи не является неожиданным: в аналогичной форме оно встречается и в славянских первопечатных книгах.²⁷

Буква и по начертанию близка к современной, в то время как до XVI в. она ближе к и. Буква к представлена четырьмя вариантами; л встречается как симметричная, характерная для надписей раннего времени, так и с вертикальной задней половиной, а передней — наклонной. В аналогичном написании л встречается на потире новгородского архиепископа Моисея, выполненном в 1329 г.²⁸

Буква м имеет вертикальные линии с наклоненными к середине верхушками, соединенными округленной либо заостренной в средней части перемычкой с подвешенным к ней язычком. Резчик надписи настолько вольно варьирует графическую форму этой буквы, что ее написание имеет самые различные варианты. Не исключено, что непосредственным образцом послужило встречающееся в заглавных буквицах Триоди Постной, напечатанной в Кракове в 1491 г. (ср.: лл. 4, 5 об., 35 об. и т. д.). Неоднократно вместо м употреблена н, очевидно, вследствие некоторого графического сходства с последней.

Буква н представлена как древней формы, напоминающей латинское N (в слове *коцпина*), так и с перемычкой в почти горизонтальном положении.

Для начертания о характерны неустойчивость линий и острия на концах — черты, встречающиеся в надписях XV–XVI вв. Буква ш имеет древнюю форму, особенностью которой является доходящая до верха средняя часть. В таком написании ш можно указать в праболгарской надписи из с. Бял бряг (IX в.),²⁹ на окладе новгородской иконы апостолов Петра и

²⁶ С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв., вып. I, 16–18, табл. 3–4.

²⁷ Триодь Постная, печ. Шв. Феоля (Краков, 1491); Октоих, печ. иеромонаха Макария (Цетинье, 1494); Служебник, печ. Божидара Вуковича (Венеция, 1519).

²⁸ Б. А. Рыбаков, Указ, соч., № 46, табл. 35, рис. 1–2.

²⁹ Ив. Гоцев, Указ, соч., рис. 4.

Павла (первая половина XII в.),³⁰ в Слепченском Апостоле (XII в.).³¹ Реминисценция старого начертания, по наблюдениям И. А. Шляпкина, появляется в XV в., возможно, под влиянием южнославянских течений (но вместо круглых очертаний нижней части чаще держится острие).³² Ясно обозначенное острие видим также в Библии, напечатанной Франциском Скориной в Праге в 1517–1519 гг. Наряду с отмеченной формой в надписи встречается ш идентичная по начертанию м.

Буква р с небольшой округленной вершиной, обычной для надписей примерно с XV в. Буква т в большинстве случаев не несет ничего характерного в начертании, но один раз (в слове **животворащо**) появляется на трех ножках. Такое написание известно в надписях на вещах примерно с XV в. Буква ч имеет позднюю форму, приходящую на смену ч с расщепом. Буква ц не выдается хвостиком из строки. Начертание ъ и љ не несет каких-либо характерных признаков; отличительной особенностью љ является небольшой усик отходящий от вершины влево; љ пишется в строке, с едва заметным коромыслом, расположенным на самой вершине мачты (в слове **волъхромѣа**), а в одном случае встречается (в слове **дрѣво**) с несколько выходящей за строку мачтой и с большим коромыслом. Близкое по графической форме љ можно указать на Битольской плите, Тмутараканском камне, кресте Евфросинии Полоцкой, но в надписи креста-реликвария из Полоцка в начертании љ надо отметить такую деталь как опускание носа коромысла — явный признак XVI в.

Как нами уже было указано, ѡ эпиграфически сходен с м. Подобное начертание ѡ в виде м с крышкой встречается в граффито XI в. в Софии Киевской.³³ В сходном написании юс малый можно отметить на Тмутараканском камне, на кратире мастера Косты (первая половина XII в.) и на кресте Евфросинии Полоцкой, а также на новгородских берестяных грамотах, обнаруженных в слое XII в. Аналогичный по начертанию юс малый без крышки встречается у южных славян. Но писцу полоцкого креста-реликвария известен и другой тип ѡ, с острой верхушкой (на нижнем конце креста). Начертания других букв или не несут признаков характерных только для надписей определенного времени либо встречаются в нескольких вариантах.

³⁰ Б. А. Рыбаков, Указ. соч., № 18, табл. 28, рис. 1–2.

³¹ П. А. Лавров, Указ. соч., табл. 10.

³² И. А. Шляпкин, Палеография, 33.

³³ С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв., вып. I, 55–56, табл. 21–22.

В целом для эпиграфики надписи на кресте-реликварии свойственно сочетание древних написаний букв с довольно поздними формами. Весьма вероятно, что образцом для писца могли послужить шрифты первопечатных славянских книг, вышедших из типографий Кракова, Цетинья, Терговища и Венеции, а также пражские издания Франциска Скорины, выходя из Полоцка. Наличие в XVI в. этих изданий в Полоцке не может подлежать сомнению. Сопоставляя начертания букв в надписи на кресте-реликварии с изданиями Франциска Скорины, нельзя не констатировать их сходство.

По мнению А. П. Сапунова, как мы отмечали, наличие ошибок в надписи обусловлено тем, что мастер был совсем безграмотен и неверно скопировал текст или не понимал славянского языка. Последнее предположение кажется более вероятным, особенно с учетом западного характера формы креста-реликвария, а также украшающих его гравированных изображений. Однако эпиграфический характер надписи не позволяет безоговорочно принять это предположение. Мастер, который хорошо был знаком с латинским алфавитом, вряд ли стал бы смешивать *е* и *с*, *ц* и *ж* и т. д. Поэтому складывается впечатление, что ювелир механически копировал указанный ему образец, не понимая содержания последнего. Для проверки этого положения мы воспользуемся примерами, которые в изобилии дает рассматриваемая надпись.

В слове **животворащо** буква **л** по начертанию очень близка **м**. Дальнейшее чтение надписи позволяет понять, что это своего рода графическая унификация, и поэтому условимся не считать этот случай ошибкой. К разряду такой же *унификации*, принадлежащей мастеру, надо отнести употребление того же знака вместо **ш** в слове **нешпалима**. В слове **пречистое** звук *тс* передан посредством **ж**, как и в других подобных случаях, что можно рассматривать как доказательство незнания мастером грамоты, вследствие чего он, по недосмотру, вместо того, чтобы идущую от левого верхнего угла линию довести до соприкосновения с другой, продолжает ее, в результате **ч** превращает в **ж**. В слове **нешпалима** мастер сначала вместо **и** написал **м**, но затем решил исправить ошибку, заметить которую оказалось нетрудно, поскольку **м** следует за **и**; поэтому по уже написанному **м** мастер энергично провел косую черту, превратившую эту букву в **и**. В слове **крестителя** допущено две ошибки: **л** поставлено вместо **е**, у которого отсутствует язычок. В конце слова **вольхромѣ** вместо **л** написано **д**, что, однако, противоречит даже принятому писцом в подобных случаях (**андрѣ**, **игнатѣ**) написанию **л** по форме близкого **м**. В двукратно встречающемся слове **еваглиста** однажды (**еваглиста марка**) вместо **с** стоит **о**, в другом — (**еваглиста лоуки**)

— **е**. Кроме того, в слове **ЛОУКИ** допущена замена **У** через **У**. Мы согласились бы признать здесь нужную по смыслу букву, если бы **У** в такой же форме не встречалось в надписи там, где оно находится на своем месте либо факт перестановки совершенно очевидный (**ПЕРВГО МОУЧЕНИКА ЛАВРЕНТЕА**). Вместо **СВЕТОГО ПАВЛА** написано **СВЕПОГО ТАВЛА** — результат невнимательного копирования образца, при котором мастер перепутал **П** и **Т**. В слове **ПЕРВГО** надо отметить выпадение гласного после **В** (в безударном положении) или же пропуск. В **МОУЧЕНИКА ЛАВРЕНТЕА** имеет место замена **У** через **Ж**, поставленных одно на место другого.

Приведенные примеры представляют лишь часть ошибок в этой неподобной по безграмотности надписи. В слове **ПАНТЕЛЕИМАНА** две описки: вместо **И** поставлено **Н**, а после него стоит **Л**, вследствие чего читается: **ПАНТЕЛЕНМАНА**. Вместо **СТРАТИЛАТА** стоит **СТАПЛАТТА**, причем **А** после первого **Т** очень малых размеров, возможно приписанное позже; меньшими (примерно в два раза) являются и две последние буквы. Мастер явно не рассчитал место и кроме того пропустил **Р**. В написании **МОУЧЕНИКА ПОЛИКАРПА** встречаем еще один случай замены **У** через **Ж**, но уже без перестановки ее на место **У**. В слове **ЕКАТЕРИН[Ы]** недописана конечная гласная, но ниже этой строки, под лигатурой **НИ** поставлено **Щ**, возможно ошибочно написанное вместо **Ы**. После слов **ПРОРОКА ДАНИЛА, ЛАЗАРА** мастер, сбившись, написал **ДАНИЛА, ЛАЗАН**, причем после **З** в последнем случае поставил **А** вместо **А**, а между ними, ниже линии строки, опустил **Ж** традиционной формы с острым верхом. Написание этой буквы в указанном месте, как и помещение **Н** после **А** трудно объяснить. Имя **ЕВГРАФА** в надписи приняло форму **ЕВРОА**. Не касаясь здесь замены гласной, укажем лишь, что *утерянную* **Ф** находим на нижнем закруглении правого конца поперечной перекладины креста-реликвария, где она стоит после слова **ПОЛИКАРПА**, будучи отделена от него крохотным кружочком. Под строкой с именем Евграфа читаем: **ИИРНАТЪА БОГОНОЕЦ** вместо **ИГНАТЪА БОГОНОСЦА**. В таком случае описки мастера сводятся к следующему: 1. перед именем поставлены две вертикальные линии, возможно, представляющие начало написания **И**, которое стоит рядом, но в форме **Н**; 2. вместо **Г** поставлено **Р**; 3. в слове **БОГОНОСЦА** вместо **С** написано **Е** и отсутствует конечная гласная, которую, возможно, следует видеть либо в маленьком **А** надписанном над **Ц** (которое мы отнесли к имени Евграфа), либо в трудноопознаваемой букве (несколько напоминающей **А** с крышкой) в конце надписи. Не свободна от описок и последняя строка надписи, в которой читается **СВЕТОГО АРТЕМЪА**, с перестановкой **В** и **Т** в слове **СВЕТОГО**. Указанными случаями, можно сказать, исчерпываются описки мастера,

который, кроме того, совершенно произвольно обращается со словами и отдельными слогами при переносе слов, путает последовательность строк, утерянную букву вписывает в свободное пространство, если оно находится даже на другом конце креста, одни буквы заменяет другими, воспринимая их не более как орнаментальные мотивы. Не совсем ясно, употребляет ли мастер в словах типа ИГНАТЪА Ъ и Ъ вместо Ъ или же неясно пишет Ъ.

Исправив описки, сделанные мастером и не отражающие орфографию образца, можно предложить следующую реконструкцию этой надписи:

дрѣво ж|ивотвор|ащо, мелко преу|истое, коупина нешп|али-
ма, камень во|жьа гроба, |главо|иана к|рестителя|, апо-
стола волз|хромѣа, |апостола андрѣа, евагглиста мар|ка, е-
вагглиста лоўки, светого павла, |первого моуѣнника лаврен-
теа, пантелеимана, |федора с|тратилата |моуѣнника п|оли-
кар|па|, фрола, е|катерины, |пророка д|анила, |лазара, |...
евграфа, |игнатѣа богносца, |светого артемѣа.

Первое, что можно отметить в произношении писца надписи, скопированной мастером, — это отсутствие различия между Ъ и ѐ.

Слово дрѣво написано с передачей ѐ через Ъ. Здесь налицо смешение Ъ и ѐ и их совпадение в говоре писца.³⁴ Совпадение Ъ и ѐ в одном звуке в белорусском языке Е. Ф. Карский считал исконным и в доказательство ссылался на ранние памятники.³⁵ Слово дрѣво в аналогичном написании встречается также в древних памятниках славянского письма: в Остромировом Евангелии (Мф., III, 10), в сборнике Слов Григория Богослова, XI в. (Ленинград, ГПБ, Q. п. I 16, л. 86), в Пандектах Антиоха Черногорца, XI в.,³⁶ в Минее на ноябрь, 1097 г.³⁷ В более поздних русских памятниках письма, а также в надписях на ювелирных изделиях, таких как золотой

³⁴ См.: В. В. Виноградов, Исследования в области фонетик северно-русского наречия, вып. I. — ИОРЯС, т. XXIV, кн. I. Петроград, 1922.

³⁵ Е. Ф. Карский, Белорусы. Язык белорусского народа, вып. I. Исторический очерк звуков белорусского языка. Москва, 1955, 202–203; см. также: А. И. Соболевский, Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. — Русский филологический вестник, т. XV, 1866, 21.

³⁶ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. С.-Петербург, 1893, стб. 734.

³⁷ С. П. Обнорский, Исследование о языке Минее за ноябрь 1097 г. — ИОРЯС, т. XXIX. Ленинград, 1925, 209–210.

крест-мошевик XIV в. из ризницы Троице-Сергиевой лавры,³⁸ ковчег-мошевик 1410 г. суздальско-нижегородской княгини Марии, встречаем форму **дрѣво**. В написании слова **дрѣво** на кресте-реликварии из Полоцка надо видеть соблюдение нормы древнего образца либо совпадение **ѣ** с **ѐ** в говоре писца.

животворащо — краткая форма слова **животворящее**³⁹

мѣлко — по Брюкнеру прежде существовавшая форма, образованная от готского *miluks*;⁴⁰ в славянских памятниках XI в. (Изборник Святослава 1073 г.; Минеи на октябрь, 1096 г.; Пандекты Антиоха) обычно находим форму **млѣко**;⁴¹ в XIV–XVI вв. чаще пишется **млѣно**.⁴²

преучистое — в памятниках XI в. имеет написание **прѣучистое** (Слова Григория Богослова, л. 135; Пандекты Антиоха, л. 288). В рукописях XV в. написание аналогичное надписи на полоцком кресте-реликварии.⁴³

коѷпина — сохраняет двойное написание **оѷ**, характерное для древних или южно-славянских памятников.⁴⁴ В надписи на кресте Евфросинии Полоцкой этот звук передан в одном случае через **оѷ**, в другом — через **ѣ**. К XV в. начертание двойного **ѣ** исчезает, но встречается в тех случаях, когда вещи копируют старые образцы. В белорусских памятниках обычным написанием для **ѷ** служит **оѷ**, но изредка встречаются и другие знаки.⁴⁵

нешпалима — чаще имеет полную форму: **неопалимаѣа** (крест-мошевик 1410 г. княгини Марии), с обозначением звука **о** через **о**. Писец рассматриваемой надписи между **о** и **ш**, по-видимому, не делает никакого различия.

главш вместо **главл** — пример чередования **л** и **ш**.

иана — поскольку между **и** и **л** мастер оставил свободное место, возможно просто оказалось ненаписанным **ш** или **в**. Однако имя в форме

³⁸ Т. В. Николаева, Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, № 10, рис. 13.

³⁹ И. И. Срезневский, Материалы..., т. I, стб. 866.

⁴⁰ А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т. I. Москва, 1910–1914, 551.

⁴¹ И. И. Срезневский, Материалы..., т. II. С.-Петербург, 1895, стб. 158.

⁴² Там же, стб. 158.

⁴³ Там же, стб. 1713–1714.

⁴⁴ Там же, т. I, стб. 1969.

⁴⁵ Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. I, 52.

ИАНЪ известно, преимущественно по ранним памятникам (Реймское Евангелие, XI в.; Добрилово Евангелие, 1164 г.); в Пантелеимоновом Евангелии, 1317 г. — **ѦАННА, О ІАНЪ**.⁴⁶

ВОЛЪХРОМЪА — наличие **Ъ** после первого слога может объяснить древняя форма имени — **ВАРЪФОЛОМЕИ** (Минеи, 1097 г., л. 86). В варианте, представленном в надписи на полоцком кресте-реликварии, надо отметить переход **А** в **О**,⁴⁷ а также замену **Ф** на **Х**, осуществляемую в именах иностранного происхождения (в данном случае от греч. *Βαρθολομαῖος*). М. В. Бирыла отмечает несколько вариантов этого имени, зарегистрированных в белорусских памятниках XVI и XVIII вв.: Вархлом, Балтромей, Болтротромей, Бутрим. Форма *Вархлом* встречается только в Могилеве.⁴⁸ Ссылаясь на материал памятников и результаты реконструкции имен по современным прозвищам, М. В. Бирыла говорит о существовании двух малоупотребительных восточнославянских форм имени Варфоломей — Варфаламей и Вархлом. О неустойчивом написании этого имени в XVI в. говорит уже и тот факт, что одно и то же лицо под 1540 г. упомянуто как **ШЛЪДРОМЕИ ЛИСКО**,⁴⁹ а под 1553 г. — как **ВОЛФРОМЕИ ЛИСКО**, давший серебряное кадило в церковь св. Иоанна в Полоцке.⁵⁰ Чередование **Є** и **Ъ**, по наблюдению С. П. Обнорского, в словах иноземного происхождения изредка имеет место в ранний период.⁵¹ Большинство имен в надписи на полоцком кресте-реликварии оканчиваются на **-ЪА**: **ВОЛЪХРОМЪА**, **ИГНАТЪА**, **АРТЕМЪА**, но **ЛАВРЕНТЕА**.⁵²

ЛОУКИ — у передано через двойное написание, как в слове **КОУПИНА**.⁵³

⁴⁶ А. Соболевский, Кирилловская часть Реймского Евангелия. — Русский филологический вестник, т. XVIII, 1887, 149; ср. также: Иань (Ян) в Лаврентьевской летописи. — ПСРЛ, т. I, 175.

⁴⁷ См.: Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. I, 94.

⁴⁸ М. В. Бирыла, Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны-мянушкі, імёны по бацьку, прозвішчы. Мінск, 1966, 37–38.

⁴⁹ А. Сапунов, Материалы для истории Полоцкой епархии, ч. I. — Витебская старина, т. У. Витебск, 1888, 14.

⁵⁰ Там же, 14–15.

⁵¹ С. П. Обнорский, Указ. соч., 213.

⁵² См.: Б. А. Успенский, Из истории русских канонических имен. Москва, 1969, 69. Ср.: В. Н. Щепкин, Саввина книга. С.-Петербург, 1903, 11; М. В. Бирыла, Указ. соч., 28–29.

⁵³ Там же, 110.

павла, лаврентѣа, євграфѣа — во всех случаях на месте греч. *υ* поставлено в. Ср.: *Паῦλος, Λαυρέντιος, Ευγραφος*.⁵⁴

пантелеимана (греч. *Παντελεήμων*) — юго-западная форма по своему ударению соответствует просторечной форме: Пантелеиман. Аналогичный случай с именем *Трифон* рассмотрен Б. А. Успенским.⁵⁵ М. В. Бирыле имя *Пантелеимон* в приведенной в надписи форме неизвестно.

фѣдора, фрола, данила — канонические формы: *Δεοδορζ, φλορζ, данилζ*. Народная форма этих имен, представленная в надписи, образована в результате выпадения второго гласного в первом и третьем случаях и мены согласных *л* и *р* — во втором. *фѣдорζ* встречается в Ухвале 1528 г.;⁵⁶ имя *Даниил* зарегистрировано в том же памятнике в форме *данило*, образовавшейся, как и аналогичные формы других имен с конечным *-ил* после спрощения гласных (*и*).⁵⁷ Имя *Флор* в форме *фролζ* (мена *р* и *л*) довольно употребительное.⁵⁸ Остальные имена в надписи сохраняют свою каноническую форму.

Проведенный анализ надписи позволяет говорить о юго-западном происхождении креста-реликвария, и, следовательно, предположение об изготовлении изделия в Полоцке получает известное обоснование. Если мастер-ювелир был неграмотен, то составитель надписи, несомненно, являлся носителем витебско-полоцкого диалекта, и это в значительной мере сказалось в написании представленных здесь имен.

Заслуживает внимания также состав реликвий. Показательно, что в их перечне нет ни мощей русских святых, ни святых, которые канонизованы после 1054 г. Реликвии обернуты сероватой бумагой с надписями, сделанными мелкой латинской скорописью XVI в. То обстоятельство, что перечень реликвий, помещенных внутри между разгородками, в надписи на кресте исполнен одной рукой, указывает на изготовление креста для уже имевшихся у заказчика реликвий. Рассмотрим кратко их состав. Часть

⁵⁴ P. Hübner, *Zur Lautgestalt griechischer Heiligennamen im russischen seit dem 11. Jahrhundert*. Bonn, 1966, 19, 21.

⁵⁵ Б. А. Успенский замечает: «Если в абсолютном большинстве случаев просторечная форма отражает старую великорусскую каноническую норму при том, что соответствующий литературный вариант часто бывает обусловлен юго-западной традицией, то в данном случае мы имеем обратное соотношение.» — Б. А. Успенский, *Указ. соч.*, 111–112.

⁵⁶ М. В. Бирыла, *Указ. соч.*, 163–164.

⁵⁷ Там же, 60.

⁵⁸ Там же, 169.

крестного древа, не отраженная в своде А. Фролова,⁵⁹ возможно, восходит к довольно позднему источнику в своем происхождении. Молоко Богородицы является реликвией, почитание которой преимущественно получило распространение на католическом Западе.⁶⁰ Молоко Богородицы и *купина неопалимая* значатся, в частности, в перечне реликвий на ковчеге-мощевике 1410 г. суздальско-нижегородской княгини Марии, состав которых (как и правописание отдельных имен) частично совпадает с отмеченными в рассматриваемой надписи. Камень Гроба Господня чрезвычайно часто упоминается в надписях на крестах-реликвариях. Упоминаемая глава Иоанна Предтечи в 1205 г. перенесена крестоносцами из Студийского монастыря в Константинополе в Суассон.⁶¹ Мощи апостола Варфоломея, мученически скончавшегося в Албанополе (современный Баку), по церковному преданию, в VI в. были перенесены на о. Липару. Части его останков русский путешественник В. Григорович-Барский в XVIII в. видел в различных монастырях Афона.⁶² Апостол Андрей, по преданию, пострадал в г. Патрасе в Ахаии около 62 г.; его глава в 1460 г. перенесена Фомой Палеологом в Рим.⁶³ Андрей считался основателем церкви в Византии, хотя это не подтверждено историческими источниками. Евангелист Марк скончался мученически в Александрии в 68 г.; его мощи в 828 г. перенесены в Венецию. Евангелист Лука скончался в Фивах Беотийских, апостол Павел и архидиакон Лаврентий — в Риме. Лаврентий (ум. в 258 г.) не был первомучеником (этот эпитет принадлежит архидиакону Стефану и в надписи перенесен на Лаврентия неправоммерно). Пантелеимон пострадал в Никомидии в 305 г.; части его мощей указывают на Афоне и в Метеорских монастырях.⁶⁴ Мощи Феодора Стратилата вскоре после его мученической смерти (319 г.) пере-

⁵⁹ В своде даны сведения лишь о полоцком кресте 1161 г.: A. Frolov, *La relique de la Vraie Croix*. Paris, 1961, № 341.

⁶⁰ Показывали его также и в некоторых афонских монастырях: Хождение архимандрита Аграфенья обители пресвятыя Богородица, около 1370 года. — Православный Палестинский сборник, т. XVI, вып. 3. С.-Петербург, 1896, 13.

⁶¹ Л. Мацулевич, Византийские резные кости собрания М.П. Боткина. — Сборник Государственного Эрмитажа, вып. II. Петроград, 1923, 67.

⁶² В. Григорович-Барский, Странствия по Святым местам Востока, с 1723 по 1743 г., ч. III. С.-Петербург, 1887, 117, 152, 199, 316.

⁶³ М. Хрептович-Бутенев, Флоренция и Рим в связи с двумя событиями из русской истории XV в. Москва, 1909, 24–25.

⁶⁴ В. Григорович-Барский, Указ. соч., ч. II. С.-Петербург, 1886, 315; ч. III, 186, 199, 203, 280, 293, 316, 361, 398; ч. IV, 121, 123, 127.

несены из Гераклеи в Евхаиты. Названный в надписи мученик Поликарп, вероятно Александрийский, а не Поликарп Смирнский, который именуется священномучеником. Не совсем ясно, какой именно Флор имеется в виду: мученик II в. или епископ г. Алиссы в Понте (VI в.). Мощи Екатерины, как известно, находятся в монастыре на Синае. О мощах пророка Даниила нет определенных сведений. Неясно также, какой именно Лазарь имеется в виду. Останки Лазаря Четверодневного при Льве VI (886–911) были перенесены с Кипра в Константинополь (по другим сведениям, перенесен лишь гроб св. Лазаря).⁶⁵ Часть гроба св. Лазаря указана и в перечне реликвий новгородского креста XIII в. в Гильдесгейме.⁶⁶ Мощи Евграфа, обезглавленного в Александрии в 313 г., также находились в Константинополе. Игнатий Богоносец был растерзан зверьми на арене Колизея в 107 г.; его мощи, увезенные в Антиохию, в 540 или 647 г. возвращены в Рим. Артемий усечен при Юлиане Отступнике, в 362 г. Поскольку упомянутый в надписи Павел не назван апостолом, возможно здесь имеется в виду Павел Фивейский либо константинопольский патриарх Павел Исповедник, мощи которого в 1236 г. были перенесены в Венецию. Не касаясь вопроса о судьбе константинопольских реликвий на Западе,⁶⁷ следует отметить, что собственно римских реликвий в кресте не так много. К их числу следует отнести части мощей апостолов Андрея и Павла, архидиакона Лаврентия, Игнатия Богоносца. Причем глава Андрея, как мы знаем, перенесена в Рим лишь в XV в. Таким образом, даже самый беглый и поверхностный обзор состава реликвий не говорит в пользу римского происхождения креста, приписанного св. Параскеве Полоцкой.

О св. Пракседе-Параскеве, которой был приписан крест-реликварий, впервые упоминает летописец Быховца (XVI в.). М. Стрыйковский путешествие Параскевы в Рим относил к 1125 г.⁶⁸ В. Коялович говорит о том, что Параскева отправилась в Рим для поклонения гробницам апостольским во времена папы Александра IV, от которого получила частицу древа св.

⁶⁵ J. P. Richter, *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte*. Wien, 1897, 224.

⁶⁶ В. Мясоедов, «Иерусалимский крест» в ризнице собора в Гильдесгейме. — *Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества*, т. XII. Петроград, 1918, 18. Из описаний путешественников известны также хранившиеся в Константинополе мощи мученика Лазаря, Лазаря Галисийского и Лазаря иконописца.

⁶⁷ См.: Riant, *Exuviae sacrae constantinopolitane*, t. I. Genevae, 1876; J. Ebersolt, *Sanctuaires de Byzance*. Paris, 1921.

⁶⁸ *Kronika Maceja Strykowskiego*, t. I. Warszawa, 1846, 243.

Креста и, поместив ее в драгоценный ковчежец в форме креста, отправила в Полоцк. Прожив в Риме семь лет, Параскева скончалась 12 ноября 1239 г. Папа Григорий X в 1273 г., по исследовании чудес, причислил ее к лику святых.⁶⁹ Игнатий Кульчинский, повторяя отчасти сведения В. Кояловича, сообщает: »Будучи лектором философии в нашем монастыре, я часто наблюдал, как чтут память этой святой и инокини нашего базилианского монастыря, и жители полоцкие, а также всего довольно обширного воеводства. В кафедральной церкви полоцкой до сих пор хранится золотой крест, великолепной работы, с разными мощами, надпись на нем: *Hanc crucem ego formula Christi Parasevia templo S. Salvatoris in perpetuum donavi*« (Я раба христова Параскева отдаю этот крест на вечные времена в церковь св. Спаса).⁷⁰ Такой надписи на рассматриваемом кресте-реликварии нет, и здесь, несомненно, дан вольный латинский перевод славянской надписи на кресте Евфросинии Полоцкой, с заменой имени вкладчицы: *покладаетъ шфросинья уьстьнзи кр[е]стъ въ манастири своемъ. в цркви с[ва]-т[о]го сп[а]са*. На недостоверность перевода надписи указывал уже униатский монах И. Стебельский.⁷¹ Имя Параскевы Полоцкой латинской средневековой агиографии осталось неизвестным. Кроме того, хранящийся сейчас в Ростове крест-реликварий не золотой, а лишь позолоченный и по исполнению едва ли можно его назвать великолепным.

Наиболее раннее описание креста-реликвария принадлежит И. Стебельскому, который сообщает: »В монастыре базилианок хранится до сего времени как память святой небольшой серебряный, позолоченный крест, на котором вырезана славянская надпись; эту надпись, по причине древности и истертости позолоты, хорошо прочесть нельзя. Об этом кресте существует предание, что его носила на себе, по обыкновению игумений, сама преп. Параскева; ныне этот крест дают в руки или кладут на грудь умирающим монахиням, полагая, что это облегчает кончину.«⁷² Теперь мы знаем, что препятствием к прочтению надписи служили не только *древность и истертость позолоты*. А. П. Сапунов, который провел тщательное исследование источников о Параскеве Полоцкой, в специальной монографии убедительно доказал, что многое в легенде о Параскеве можно объяснить фактами

⁶⁹ W. Kojałowicz, Op. cit., pars I, 82. Кстати, Александр IV вступил на папский престол только в 1254 г.

⁷⁰ J. Kułczyński, Op. cit., 56–57.

⁷¹ J. Stebełski, Dwa wielka światła na horizoncie Polozkim. Wilno, 1781, 121–122.

⁷² Idem, Żywoty ss. Ewfozyny y Paraskewii, 216–219.

заимствования из жизнеописания Евфросинии Полоцкой и что составитель Литовской летописи в XVI в. смешал факты из жизни Параскевы Полоцкой и Параскевы Римской⁷³ с преданиями о Евпраксии Псковской – дочери полоцкого князя Рогволода Борисовича.⁷⁴ Описывая крест-реликварий с рассматриваемой нами надписью, А.П. Сапунов заметил: »Нельзя ли, однако, предположить следующее: Подражая преп. Евфросинии, принесшей в дар церкви Спасителя драгоценный крест, сестра ее Евпраксия повелела впоследствии сделать этот крест.«⁷⁵ Теперь на этот вопрос мы можем с уверенностью ответить отрицательно.

Таким образом, результаты эпиграфического анализа славянской надписи на кресте-реликварии, соотнесенные с другими данными, не позволяют датировать произведение ранее чем XVI в., и, следовательно, предположение А.И. Некрасова о позднейшем добавлении изображений и надписей не оправдывается. Изготовление подобной формы креста-реликвария в XII–XIII вв. представляется невероятным, тогда как для изделий XV–XVI вв. эта форма является довольно обычной. Изображения символов евангелистов не типичны для русской металлопластики эпохи средневековья и встречаются лишь как исключение, в то время как на Западе они получают широкое распространение. С Запада эти изображения проникают в балканскую торевтику, где их встречаем в XVI в. на таких произведениях как серебряный крест, выполненный мастером круга Кондо Вука.⁷⁶ Западные воздействия указанного времени не могли не коснуться и ювелирного искусства Полоцка. К сожалению, мы не можем судить о том, насколько крест-мошевик из Полоцка характерен для белорусского серебряного дела XVI в., образцы которого по существу почти неизвестны.⁷⁷ Стилисти-

⁷³ Ср.: М. Дубровский, Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с кратким описанием основанного ею в г. Полоцке женского монастыря. Витебск, 1894; *Breviarium Romanorum. Campoduni*, 1855, Flodoardus. *De triumphis Christi apud Italian.* – *Patrologia latina*, t. CXXXV, col. 645–646.

⁷⁴ См.: Н. Барсуков, Источники русской агиографии. С.-Петербург, 1884, стб. 175.

⁷⁵ А. Сапунов, Католическая легенда о Параскеве, 39–42, 46.

⁷⁶ М. Постникова-Лосева, Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XV–XVIII вв. в музеях Москвы и Ленинграда. – Музей применене уметности, зб. 15. Београд, 1971, рис. 32–34, 92.

⁷⁷ А.П. Сапунов указывал на сходные изображения орла и льва на металлических досках, украшавших переплет рукописного Евангелия XV–XVI вв. в Благовещенской церкви в Витебске. – А. Сапунов, Католическая легенда о Параскеве, 46.

ческие аналогии для изображений на кресте-реликварии дают гравюры первопечатных славянских книг, в частности Библия Франциска Скорины.⁷⁸

Почему же при украшении креста гравированными изображениями мастер был ориентирован на западный образец? Во-первых, в этом сказалась одна из закономерностей развития белорусского искусства XVI в., испытывавшего сильное воздействие ренессансной художественной культуры. Во-вторых, нельзя полностью исключать возможность изготовления креста-реликвария как *мемории*, призванной служить вещественным доказательством связи св. Параскевы с Римом, где, по легенде, выполнен этот крест. А. П. Сапунов верно заметил, что в рассказе о путешествии Параскевы в Рим слышен смутный отголосок паломничества Евфросинии и Евпраксии в Константинополь – Новый Рим.⁷⁹ Но мы теперь знаем, что польские писатели приписывали первоначально не этот крест-реликварий, а воздвизальный крест Евфросинии, выполненный киевским ювелиром Лазарем Богшей в 1161 г. Поэтому более вероятно выполнение произведения с рассмотренной нами надписью для игуменьи базилианского монастыря в Полоцке, где в конце XVIII в. и видел его И. Стебельский. Униатское происхождение этого креста-реликвария помогает понять совмещение западной иконографии гравированных изображений символов евангелистов с типично русским оглавием с рельефным Нерукотворным Спасом.

Распространение католицизма в Полоцке относится к XV в. В 1406 г. Витовт уступил немецким купцам плац для постройки костела.⁸⁰ Уния была введена в Полоцке в самом конце XVI в., при архиепископе Григории Загорском (1595–1600),⁸¹ когда, очевидно, и был выполнен публикуемый памятник, о чем говорят эпиграфические признаки украшающей его надписи, представляющей один из самых курьезных примеров в истории славянской письменности. Тем не менее, его важность для истории белорусского языка очевидна.

⁷⁸ См.. М. Шчакаціхін, Гравюры і кніжныя аздобы ў выданнях Францішка Скарыны. – В кн.: Чатырохсотлецьце беларускага друку. 1525–1925. Менск, 1926, 180–227.

⁷⁹ А. Сапунов, Католическая легенда о Параскеве, 41.

⁸⁰ А. Сапунов, Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века. Витебск, 1889, 53.

⁸¹ Там же, 150–151, 167.

S a ž e t a k

SLAVENSKI NATPIS NA KRIŽU–RELIKVIJARU IZ POLOCKA

Srebrni križ–relikvijar s opširnim slavenskim natpisom, koji se pripisuje Paraskevi Polockoj, čuva se sada u Rostovu Jaroslavskom. Natpis na obratnoj strani relikvijara nabraja relikvije koje su u nj stavljene. Čitanje natpisa otežano je time što je veoma netočno podijeljeno na retke i na riječi. Paralelno sa starim oblicima slova susreću se primjeri koji pokazuju da je pisac poznao slavenski brzopis. Veoma je vjerojatno da su kao obrazac mogla poslužiti slova prvotisaka slavenskih knjiga. Veliki broj pogrešaka najvjerojatnije je uzrokovan time što je graver mehanički kopirao određeni obrazac, bez razumijevanja sadržaja. Analiza natpisa potvrđuje tu pretpostavku. Sastav relikvija zaslužuje pažnju u tom pogledu što nema ni moći ruskih svetaca, niti svetaca kanoniziranih poslije 1054. godine; nema mnogo ni u užem smislu ruskih relikvija.

Provedena analiza natpisa dopušta da se govori o jugozapadnom podrijetlu križa–relikvijara. Ako je majstor–graver bio nepismen, to je sastavljač natpisa nosilac vitebsko–polockog dijalekta, što se očituje osobito u pisanju imena.

Prema legendi križ–relikvijar pripadao je Paraskevi Polockoj, koja je umrla u Rimu 1239. godine. Stilski umjetnina se ne može datirati prije druge polovine 16. st. Veoma je vjerojatna pretpostavka da je križ–relikvijar izrađen za igumaniju bazilijanskog samostana u Polocku. Epigrafska obilježja navedenog natpisa čine ga jednim od najneobičnijih primjera u povijesti slavenske pismenosti.

Рис. 1: Крест-реликварий из Полоцка

Рис. 2: Крест–реликварий из Полоцка (оборотная сторона)

SLOVO

30

ČASOPIS STAROSLAVENSKOG ZAVODA U ZAGREBU

ZAGREB 1980.

S L O V O

ČASOPIS STAROSLAVENSKOG ZAVODA
»SVETOZAR RITIG«
Instituta za filologiju i folkloristiku, p.o. Zagreb

Izlazi jedanput godišnje

UREDNIŠTVO: 41000 ZAGREB, DEMETROVA 11

BROJ: 30

Urednički odbor:
ANICA NAZOR, MARIJA PANTELIĆ,
JOSIP TANDARIĆ

Glavni urednik:
ANICA NAZOR

Odgovorni urednik:
BISERKA GRABAR

Tehnički urednik:
JOSIP MILIĆ

Lektor tekstova na hrvatskom jeziku:

ZRINKA VUKOVIĆ

Korektori:
JASNA VINCE, JOSIP MILIĆ

Ovaj broj časopisa Slovo izlazi uz finansijsku pomoć Republičke zajednice za znanstveni rad SR Hrvatske, SIZ-VII.

Tisak: Štamparski zavod »Ognjen Prica«, Zagreb, 1981.

Josip Broz Tito
1892 — 1980.

Josip Broz Tito lista faksimilirano izdanje Hrvojeva misala